

Мариам Ибрагимовна Ибрагимова
Неумолим бег времени
(публицистика)

Серия «Мариам Ибрагимова. Собрание сочинений в 15 томах. Том», книга 11

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33395629

Неумолим бег времени. Публицистика: ТД «Белый город»; М.; 2017

ISBN 978-5-906727-07-7

Аннотация

Каждая встреча с новым человеком, размышления о судьбах, о пережитом времени высекали искры в душе Мариам и оживали в повестях, рассказах, статьях, очерках, на страницах книг, журналов, газет. Многие публицистические статьи впервые увидят свет в этом томе.

Содержание

Неумолим бег времени. Публицистика	5
Родословная памяти	5
Ответ верхоглядам	21
Винегрет из скороспелых мыслишек	30
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Мариам Ибрагимова
Неумолим бег времени.
Публицистика

© М.И. Ибрагимова, наследники, 2017

© ТД «Белый город», 2017

Неумолим бег времени. Публицистика

Родословная памяти

Кавказ овеян легендами. Эта Страна гор представляет собой не только гигантскую крепость, но и необъятный историко-этнографический музей. Любознательные современники здесь могут выискать осколки давно исчезнувших племён и множество забытых языков и наречий.

Кавказ полон неизведанных тайн. И ко всему этому исследователи и просто любопытствующие должны относиться как к святыне, в своих высказываниях отражать только правду, какой бы горькой она ни была.

К великому сожалению, некоторые историки и просто дилетанты, освещая историю, по невежеству своему или сознательно искажают её, даже когда описывают мелкие события, не имеющие отношения к современной политике и интересам нашего государства. Спрашивается, зачем?

Может, по привычке, приобретённой со времён сталинщины и периода застоя, когда наша историческая наука была превращена в продажную девку, с которой идол в долгополой шинели и его приспешники творили что хотели.

Но теперь-то мы знаем, что оболгали не только историю, но и все науки в угоду вождю. Оклеветали, уничтожили истинных учёных, не посчитавшись с их мировым авторитетом. Сталин, обожествив себя, не только поставил на колени миллионы раболепствующих, но и, оболванив легковерных, заставил их мыслить так, как ему хотелось.

Наконец пришло освобождение. Народы прозрели, воспрянули духом, очнулись от гипнотического сна и, анализируя прошлое, приступили к перестройке во всех сферах жизни. Сорвана печать многолетнего молчания.

Это сделали новые руководители страны. Они же терпеливо выслушивают все заслуженные и незаслуженные упрёки и даже оскорбления в свой адрес. Невольно хочется спросить у осмелевшей бунтующей толпы: а где её герои-предводители были до этих дней? Почему не подавали голоса при прежних вождях? Почему не восставали, не поднимались, не выходили на улицы и площади? И почему перестройка, начатая М. Горбачёвым с благими намерениями, теперь должна нести ответственность за тех, на кого нынешние бунтари молились?

Думая обо всём этом, просто диву даюсь, насколько укуренность в мышлении некоторых ностальгия по смертельно разящей сухой руке душевнобольного «отца народов». И не только ностальгия, но и незыблемая склонность к искажению действительности, будь то настоящее или прошлое.

В двух номерах «Кавказской здравницы» печаталась ста-

тъя пятигорского литератора Игоря Гориславского «Атаковать на рассвете». Она заинтересовала меня. Ведь изучением истории Русско-турецкой войны 1787–1791 годов я занимаюсь четверть века – с конца 60-х.

Всё началось с пробудившегося во мне интереса к казачьей станице, носящей мусульманское название Баталпашинск (ныне Черкесск). Батал – имя, встречающееся у горцев Кавказа, паша – титул, присваиваемый высшим чинам и государственным деятелям Турции.

Найти какое-то объяснение на этот счёт у местных историков и писателей почти не удалось. Более обширные и интересные сведения я получила у азербайджанских востоковедов и академиков. Трудно сказать об их достоверности, но они, в буквальном смысле слова, потрясли меня. И я решила трагическую судьбу Батал-паши отразить в одноименной поэме. В лице султана Селима II попыталась изобразить Сталина. Прошу прощения у праха султана, потому что ни один из существовавших тиранов мира не превзошёл по жестокости, коварству и лживости «закавказского горца», узурпировавшего власть в Стране Советов.

Своё скромное творение я посвятила памяти М.Н. Тухачевского, судьба которого в чём-то показалась мне схожей с судьбой Батал-паши.

В мой первый сборник стихов, изданный Дагиздатом в 1968 году, эта поэма не вошла. Во втором, выпущенном тем же издательством пятью годами позже, была опубликована

без посвящения.

Прежде чем приступить к полемическому диалогу с Гориславским, вкратце коснусь положения дел на Кавказе в конце XVIII века.

Экспансионистские устремления российских самодержцев в сторону Кавказа начались одновременно с образованием Русского государства. Известно, что в XI веке Святослав I, проникнув за Кубань, победил у подошвы Кавказского хребта ясов и косогов (осетин и черкесов). Почти в то же время варяго-русы утвердились на полуострове Тамань. И Мстислав Удалой Тмутараканский тоже вёл войны против косогов.

В XVI веке в северных предгорьях Кавказского хребта появляются поселения гребенских казаков, которые участвуют в составе депутации кабардинских князей, прибывших в Москву в 1555 году с просьбой о покровительстве. Царь Иван Грозный подарил гребенцам территорию с рекой Терекком и велел в устье воздвигнуть крепость и устроить город Терки. Потеснённые племена тайно и явно проявляли своё недовольство действиями русского царя.

Тревожная обстановка заставила казаков объединиться в военно-сословные общины. Царское правительство оценило государственное значение казачества на Кавказе и всяко содействовало его развитию, усиливая стрельцами. Со временем казаки вместе со стрельцами, упрочив свои владения на Терке, потеснив чеченцев и ингушей, стали водворяться на

Малке и Нижней Сунже, образуя Терское воеводство, которое позднее образовало Терско-Кизлярское казачье войско.

Пока русские владения ограничивались поселениями по берегам Терека, они входили в состав Астраханской области. При Екатерине II, с устройством сплошной Кавказской линии, западная её часть от Азовского моря до Усть-Лабы составляла территорию Черноморского казачьего войска, а остальная – до Каспийского моря и к северу до Маныча – Кавказскую область.

Но к Каспийскому морю нужно было не только пройти, а и укрепиться там. На предгорных побережьях Каспия были раскинута владения дагестанских шамхалов и ханов.

В Дагестан можно было проникнуть водным путём по Волге или сухим – через предгорья Нижней Чечни. Тогда-то и началось оттеснение аборигенов с владений предков.

Вначале чеченцы, не оказывая сопротивления, собрав пожитки, отходили в сторону лесистых гор. Однако, когда казаки стали нападать на мирных поселян, уводить пленных, началось массовое движение чеченцев. В 1785 году возглавил его учёный-арабист шейх Мансур-Ушурма из селения Алды, что в нескольких километрах от нынешнего Грозного.

Под зелёное знамя ислама встало почти всё мужское население. Первое столкновение с поднявшимися на газават чеченцами произошло летом. Царское командование бросило на подавление восстания отряд в составе Астраханского пехотного полка, батальона Кабардинского полка, двух рот

Томского полка с сотнями терских казаков под командованием полковника Пиери. Сражение произошло на подступах к аулу Алды. Победа улыбнулась чеченцам, силы русских были почти полностью уничтожены повстанцами.

Блестящая победа шейха Мансура увеличила размах освободительного движения горцев Кавказа. К Мансуру потянулись мятежные отряды непокорных селений Кабарды и Черкесии. Встревоженное командование бросило на подавление восстания новые силы. Против горцев направили Московский и Моздокский казачьи полки, присоединив к ним триста конников донских и гребенских казаков. Их усилили батальоном гренадёр, двумя эскадронами драгун и двумя стрелковыми ротами.

Трижды атаковали горцы позиции русских. А понеся потери, вынуждены были отступить. Мансур двинул свои отряды на Кубань.

Событиями, происходившими на Кавказе, не замедлила воспользоваться Турция. Потеряв Крым в предыдущей войне, видя продвижение русских в глубь Юго-Восточного Кавказа, строительство крепостей и укреплённых сторожевыми постами линий, начиная от Моздока до Дарьяльского ущелья, Турция забеспокоилась. Ей не хотелось терять последние торговые пути, связывающие её с Кавказом и Грузией, которым когда-то диктовала свою волю.

В августе 1787 года Турция предъявила ультиматум русскому правительству о немедленной уступке Крымского по-

луострова, ранее принадлежавшего империи османов. Одновременно по приказу султана был арестован русский посол в Стамбуле и без объявления войны морские силы Турции атаковали русские сторожевые суда на Чёрном море.

Так было положено начало очередной русско-турецкой войне, которая и предрешила конец первого освободительного движения горцев Кавказа под руководством шейха Мансура.

Забегая вперёд, скажу: 22 июля 1791 года Мансур, укрывшийся со своими отрядами в Анапской крепости, не выдержал многодневной осады и штурма, был пленён и сослан в Соловецкий монастырь, где и оборвалась его беспокойная жизнь.

В XIII и начале XIV века, при султанах Османе I и после него, империя турок достигла апогея своего могущества. Далеко простирались её владения на Востоке и на Севере. Достаточно напомнить, что моря Чёрное, Каспийское, Азовское с реками Волгой и Доном были её внутренними бассейнами.

В XVII–XVIII веках звезда османов стала клониться к закату. Один за другим восставали и отделялись иноверные и единоверные начальники. Распавшееся государство уже ни для кого не представляло угрозы. Напротив, великие державы, к числу которых в тот период относились Россия, Англия и Франция, смотрели на Турцию как три хищника на овечку. Однако, боясь друг друга, не осмеливались наброситься

и разорвать её.

А между тем доверчивая в своём бессилии Турция, подстрекаемая то Англией, то Францией, пыталась удержать мусульманские провинции в Крыму и на Кавказе.

С этой целью в конце 1788 года один из прославленных турецких полководцев Батал-паша был назначен главнокомандующим вооружёнными силами, расположенными в Суджук-Кале и Анапе. Более года он занимался подготовкой к предстоящему походу и военным действиям в укреплённых русскими районах Северного Кавказа. Не дремало и командование русских войск. Узнав о намерении турок, оно решило перехватить инициативу – первыми начать наступательные действия и захватить Анапскую крепость. Для выполнения этой задачи командующему корпусом генерал-поручику Г. Бибикову был отдан приказ начать осаду и штурм. Однако военные действия не увенчались успехом. Корпус Бибикова был разбит и с потерями отступил.

Путь для вторжения Турции на Северный Кавказ был открыт. Сил, способных противостоять их движению, у русских не было. И Батал-паша во главе объединённых сил Турции двинулся вдоль русла реки Уруп, затем, достигнув нижнего устья реки Джанал, переправился на правый берег Кубани.

Здесь и встретил турок со своей бригадой генерал И. Герман. В ходе вдумчивого прочтения единственного документа, исходящего от прославляющего себя в довольно нескром-

ной форме генерала, невольно возникают недоумённые вопросы, не говоря уж о явной тенденциозности изложения и пренебрежительном отношении к Батал-паше. По этому пути пошёл и Игорь Гориславский в документальном повествовании «Атаковать на рассвете». Чувствуется явная симпатия автора к Ивану Герману, обрусевшему саксонцу Иоганну Герману фон Ферзену, который в поисках счастья и чинов оберквартирмейстером Кабардинского полка прибыл на Кавказ, прослужил здесь 14 лет и был удостоен звания генерала.

О Батал-паше ничего не сказано. Турецкого командарма и генерал Герман в своих донесениях в столицу, и автор статьи, по незнанию или небрежению, называют то Батал-пашой, то Батал-беем. Это равнозначно тому, что полководца Г.К. Жукова стали бы именовать то маршалом, то лейтенантом.

Как уже было сказано, паша – это титул высшего государственного деятеля или генерал-губернатора, возглавлявшего пашалык, губернию, который одновременно является и предводителем регулярных войск. Он обязан по первому зову султана являться во главе подчинённых сил.

Бей – тоже титул, но присваиваемый офицерам или средним чинам.

Батал-паша по национальности черкес. В Турции знали его как человека непреклонного мужества и несгибаемой воли, блестящего стратега и непревзойдённого знатока искус-

ства ведения боя. Так что султан Селим II знал, кого посылал против русских на Кавказ. И вдруг – полный разгром!

Возникает вопрос: каким образом генералу И. Герману удалось совершить чудо – разбить за несколько часов и обратить в бегство объединённые силы турок, состоящие из восьми тысяч пехоты, десяти тысяч кавалерии, пятнадцати тысяч горской конницы и артиллерии в тридцать орудийных стволов, пленить самого Батал-пашу? Ведь в состав бригады И. Германа входило всего три с половиной тысячи сабель и штыков, шесть пушек от парка и двенадцать полевых орудий. Оказывается, сказочный герой Иван Герман верил в силу Провидения и приметы, принесшие ему «блестящий успех». Кроме того, он разгадал нерешительность противника, что и занёс в журнал донесений: «Батал-бей не совсем в сборе, на самом брое он готовится себе ретираду, следовательно, трусит». Словечко-то какое!

И потому Герман решил атаковать турок на рассвете. В самое то время, как корпус тронулся, пошёл дождь – «русская счастливая примета», которая оправдалась в тот день. Конечно, на рассвете под дождичек хорошо спится усталым солдатам. Для нападения и расправы над сонными большого мужества и героизма не требуется. Быть может, какая-то часть или подразделение и были разгромлены Германом, но что касается всей тридцатитрёхтысячной армии, тут уж меня простите!

Более того, оказывается, «при оном был взят Батал-бей с

его чиновниками и другими турками в плен». Чиновниками, то есть служащими гражданского назначения. Но бог с ними!

Не знаю, как других, но меня покорило при чтении таких строк: «...едва могли спасти жизнь раненого сераскира, сколько он ни кричал и ни просил помилования, объявляя свой чин, из окружающих его иные были порублены, а другие ранены. Но егеря-карабинеры подоспели к нему и спасли его». Разумеется, Батал-пашу. Бред! Не поверю, что так может повести себя генерал. В Отечественную войну, в плену, даже под пытками, подобным образом не вели себя не только офицеры, но и простые солдаты. И далее цитирую И. Германа: «...пленного трёхбунчужного сераскира вместе со свитой (не как-нибудь) отправили в Яссы к князю Потёмкину-Таврическому, где состоялось подписание мирного договора между Россией и Турцией». Уникальный в своём роде исторический факт! Надо же султану дойти до того, чтобы уполномочить позорно сдавшегося в плен пашу совершить такой ответственный акт от имени турецкого правительства. Затем, оказывается, «Батал-бей после погрома на Кубани жил пленником в Крыму, а в 1799 году с разрешения царского двора покинул Россию, приняв главное командование в Анатолии». Право же, позавидуешь благородным нравам султаната!

Что касается названия, данного укреплению и казачьей станице, здесь тоже трудно докопаться до истины. Археолог В.А. Кузнецов в своём сборнике «В верховьях Большого Зе-

ленчука», содержащем историко-этнографические очерки и легенды, отражающие прошлое, быт, нравы, культуру племён и народов Северного Кавказа, вскользь касается действий генерала И. Германа и названия Баталпашинская. Он пишет, что сейчас трудно сказать, кому первому пришло в голову назвать казачью станицу именем Батал-паши.

Опять-таки, не будучи убеждена в достоверности, скажу, что, по дошедшим до нас сведениям, оно исходит от воли чувственной и романтической императрицы Екатерины II. Как бы там ни было, название не предано забвению по сей день, хотя станица Баталпашинская за годы советской власти превратилась в город, став столицей Карачаево-Черкесской Республики.

Поэтому совершенно непонятно высказывание И. Гориславского: «Место, где был разбит Батал-паша, с холопской опаской – не навлечь недовольство властей – стали называть Баталпашинским, так же, как называли казачий пост и редут». Кто они, эти холопы, – офицеры или служивые? И почему они опасались властей, столь несправедливых, которые вместо того, чтобы назвать и крепость, и слободу Германовской, наименовали её Баталпашинской?

И наконец, о самом главном: что явилось причиной многолетнего запрета Екатерины II и Павла I упоминать имя столь выдающегося героя И. Германа, так блестяще прославившего силу русского оружия? Почему правительством империи в своё время не были приняты всерьёз бредовые, ли-

шённые истины и элементарной скромности выдумки генерала, страдающего манией величия, которые увидели свет только в 1825 году в «Отечественных записках» и которые по сей день, механически воспринимая их, продолжают смаковать обуреваемые чувством национальной гордости некоторые исследователи? Чтобы ответить, проследим дальнейшую судьбу генерала Германа.

В 1799 году, прослужив некоторое время в войсках, расположенных в Литве, затем в Польше, И. Герман во главе десантного корпуса, вошедшего в состав английской армии, был направлен в Голландию.

Когда последняя часть десанта высадилась в окрестностях Бергена, где дислоцировалась союзная армия, главнокомандующий английскими силами герцог Йоркский, чтобы дать отдохнуть русским, изменил намеченное ранее время наступательных действий. Однако своевольный Герман, со свойственным ему упрямством, пренебрёг его приказом. В ту же ночь, с 7 на 8 сентября, таким же образом, как на Кавказе в 1790 году, решил, не поставив в известность английское командование, атаковать французов.

Конечно же, он понадеялся и на сей раз на помощь Провидения, тем более что к утру пошёл мелкий дождь, предвещавший успех. Под покровом темноты его десантники стремительно атаковали крепко уснувшие под шум дождичка французские части, расположенные в трёх деревеньках. И, конечно же, достигли полного успеха. Повторяю, большо-

го мужества и героизма не требуется, чтобы побить лежащих. Удивляет то, что гитлеровские повадки – а Гитлер считал, что для достижения успеха все средства хороши, – были свойственны Герману в те рыцарские времена, когда честью, совестью и мужеством дорожили все, начиная от особ, возглавляющих империи, и кончая унтерами, когда, начиная войну, объявляли: «Иду на Вы!» Но, к великому огорчению генерала И. Германа, фортуна на сей раз изменила ему, а примета с дождичком оказалась роковой.

Застигнутые врасплох французы быстро пришли в себя, собрались с силами, отразили натиск десантников, затем, перейдя в контрнаступление, перебили русских, а побросавших оружие окружили и взяли в плен во главе со знаменитым генералом Германом. Деликатные французы, конечно же, обвинили англичан, которые, «выставив вперёд русских, не поддержали их своевременно».

Император Павел, узнав о пленении Германа, не посчитавшись с его героизмом и прежними боевыми заслугами, отдал приказ об исключении его со службы. Вот ведь какой неблагодарный поступок царя!

Пленный генерал Герман, содержащийся во французской крепости города Лиля, был потрясён фатальной неудачей, постигшей его. Признаки нервной неуравновешенности, расцениваемые ранее как странности, приняли окраску явного психического расстройства. О выраженности их можно судить на том простом основании, что о них загово-

рили люди, не имеющие никакого отношения к медицине и, в частности, к психиатрии, которая как наука только зарождалась в те времена. Уж не эти ли странности со склонностью к самовозвеличиванию и приписыванию себе не имевших место заслуг явились причинами многолетнего запрета правительственными кругами России упоминать имя «одного из отважных военачальников суворовских времён»?

Царствовавшие в России помазанники не были людьми случайными. К государственной деятельности их готовили с колыбели, обогащая разными знаниями, воспитывая в духе правдолюбия, духовности и высокой русской традиционной культуры. Наверное, и те же Екатерина II и Павел I обладали способностью оценивать достоинства и недостатки собственных и вражеских военачальников.

Читая воспоминания Н. Хрущёва, я обратила внимание на слово «азиатчина», употребляемое бывшими кремлёвскими слугами после освобождения от ига «азиатов». Оно относилось к Сталину и Берии, в коих были сконцентрированы все самые страшные, самые низкие, самые подлые пороки. И всё-таки они свойственны не только азиатам. Психопатология может проявляться у представителей всех рас, наций и народностей.

Быть может, и в этой моей полемике кто-то усмотрит азиатчину, подумает, мол, кровь заговорила. Считаю необходимым пояснить: мне чужды как шовинистические, так и националистические чувства, потому что меня родила русская

женщина. И не абы какая, а праправнучка дворянина Ивана Ивановича Пущина, командовавшего Русским флотом при Екатерине Великой. Но никогда я себя не чувствовала плохо и оттого, что в моих жилах с русской кровью смешалась кровь кавказских узденей. В своей нелёгкой жизни я всегда пыталась, хотя иногда и тщетно, искать правду.

У читателей, а тем более у знатоков этой трагической истории прошу прощения, если где-то допустила ошибочные высказывания и неточности. Но отсебятины и выдумок в своём исследовании я старалась не допустить, считая, что это граничит с моральным преступлением.

«Кавказский край», 1992 г.

Ответ верхоглядам

«Познай себя» – эти слова древнегреческого мудреца были начертаны над входом Дельфийского храма.

Лев Толстой, беря в руки сочинение обратившегося к нему автора, говорил: «А ну-ка, батенька, дай я посмотрю, что ты за человек». И в этом есть глубокий смысл.

Все произведения пишущих, даже самые незначительные, независимо от воли автора, отражают его внутренний мир. Убогим выглядит верхогляд, берущий на себя смелость выступать в роли третейского судьи, если не разбирается в сути предмета. И совсем плохо, когда критикующий, забывая, о чём речь, путает праведное с грешным.

Прожив долгую жизнь, строго придерживаясь сухого закона, чтоб уберечь себя от деградирующего действия алкоголя, я посмеялась от души, когда в бытовой перепалке одна из обывательниц бросила мне: «А ты, пьяница, помолчи!» Также смешно стало, когда читатель И. Будников из Ставрополя в своём отклике «За что платили Батал-паше» («Кавказский край», № 44 за 1992 год) на мою статью «Имя станции Баталпашинской остаётся загадкой» («Кавказский край», № 27) написал: «Статья Ибрагимовой является не совсем историковедческой, а преследует определённые националистические цели». Разве может быть иначе, если не Иванова, а Ибрагимова выступила в защиту черкеса Батал-паши?

Смешно стало потому, что ни О. Ольховскому из Ессентуков, ни ставропольцу И. Будникову неведомо: мне по самой природе чуждо и слепое чувство фанатизма, и так называемого национализма. Чуждо потому, что в моих жилах течёт смесь кровей кубанских казаков, потомственных русских дворян и вольных лакских узденей Дагестана.

Могу ли не любить Отчизну и горцев, среди которых прошла вся моя жизнь, если лучший из сынов России – Лермонтов, поручик противоборствующей стороны в период Кавказской войны, писал:

Как славную песню Отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

А что касается замечания Будникова: «Неужели М. Ибрагимова забыла, что последние века историки Кавказа, и это подтверждается записями арабских и турецких историков-очевидцев, многие горские народы (черкесы, карачаевцы) являются продуктом многовековой миграции народностей и завоевательных походов» – верно. Только я знаю и о том, что не в последние века, а за много столетий до нашего времени арабов в VIII веке и турок в XIII–XIV веках древнегреческие, древнеримские, персидские, мидийские историки и путешественники писали о миграционных процессах на Кавказе и об устремлениях на него усиливавшихся держав мира, как со стороны Азии, так и со стороны Восточной Ев-

ропы.

Иные древние обитатели Кавказа погрузились в область преданий, но такие, как черкесы, кабардинцы, адыги, кара-чаевцы, балкарцы, осетины, чеченцы, ингуши, сохранили этнические корни вместе со всеми характерными для этих народов национальными особенностями.

Переходя к предмету спора, Будников пишет: «Что касается самого Батал-паши, ставшего на службу туркам-османам, то тут более прозаический ответ: они платили за то, что он стоял на защите окраин турецких владений». Тоже верно. Но разве Иван Грозный, Екатерина Вторая и другие самодержцы, переселяя, например, запорожцев и других казаков в предгорья Северного Кавказа, не платили им за несение сторожевой службы на новых рубежах России?

Судя по сказанному Будниковым, «и русские переплачивали горцам, чтобы переманить их на свою сторону». Это нечто вроде «закона рыночных отношений». Чтобы утверждать, что «любовь к золоту и серебру преобладала в душах абсолютно всех горских народов», надо иметь хотя бы элементарные понятия об условиях их жизни.

Волею жестоких судеб загнанное на бесплодные вершины и в теснины гор большинство народов от колыбели до могилы думало о хлебе насущном, а не о драгоценностях. И если среди всяких ремёсел процветало оружейно-ювелирное златокузнечество, то драгоценности и оружие не накапливались, а сбывались русскому двору, знати и военным, так

же как и владыкам других богатых стран. Золотых корон, диадем, цепей, крестов, царских и культовых убранных рядов, усыпанных драгоценностями, даже у горских ханов, князей и духовенства не было.

Жалкий быт основной массы народов гор мне слишком хорошо знаком, чтобы согласиться с Будниковым. И как можно кивать на соседа, закрыв глаза на своё? Видите ли, «как ни печально, но они (разумеется, горцы) продавали в рабство своих детей, женщин, не говоря о рабах». Да, на Кавказе, как и во многих странах мира, невольничьи рынки существовали, и здесь велась работоторговля так же, как и на Руси. В этом деле русские крепостники могли посостязаться с европейскими пиратами, промышлявшими сбытом африканских невольников. Раба или рабыню мог продать кавказский купец, но родное дитя, как пишет Будников, – никогда. В таком случае продавец был бы оплёван всем джамагатом и изгнан из племени. Крепостники же могли не только продать, обменять, проиграть в карты, но и, скажем, заставить крепостную вскармливать грудью борзых щенят из своей псарни. Или это тоже выдумки Ибрагимовой?

Ещё хотелось бы напомнить моему оппоненту о тех усилиях, которые были приложены передовыми мыслителями русского народа, чтобы выкупить у крепостника-самодура талантливое сына украинского народа Тараса Шевченко. В заключение И. Будников пишет: «Пусть попробует историк М. Ибрагимова убедить меня, что за 74 года коммунистическо-

го режима эти народы перевоспитались» (подразумевая кавказцев).

А разве русские все перевоспитались в лучшую сторону? В послесталинском коммунистическом режиме было немало положительного. Процесс воспитания, самопознания и осознания происходящего вокруг определяется природным даром человека, независимо от того, к какому роду-племени он относится. Дурак, сознающий, что он дурак, таковым не является, потому что самокритичен. Истинный же дурак, будь он христианин, мусульманин или иудей, ни в каких условиях и режимах воспитанию не поддаётся, кроме бичевания, что и применялось широко в докоммунистической России. А потому за преступные деяния дегенератов спрос не должен быть со всего народа.

Публикацией статьи «Однобокая принципиальность» читателя из станицы Боргустанской можно было бы и пренебречь как анонимкой, если бы не знакомый почерк автора, затаившегося за «неразборчивой подписью».

Позвольте заметить, «боргустанский аноним», что однобокость суждений нравственнее лицемерности в действиях. Необходимо элементарно разбираться в конкретном случае, чтобы судить о тенденциозности или объективности изложенного.

Военно-историческая наука – не политика, которую властолюбцы могут использовать как продажную девку. Воен-

ные действия конкретны и требуют точного отражения. Абсурдно соотносить участковые бои с крупномасштабными операциями и сравнивать действия великих полководцев с сомнительным успехом, достигнутым в одночасье войсковым предводителем.

История знаменитого перехода Суворова через Альпы и боевые заслуги Кутузова, «заставившего французов есть конину», известны школьникам. А вот кто такой Иван Иванович Герман, никто не знает. Людей, отказавшихся от родины, семьи, близких, тем более сменивших имя, отчество, фамилию, относят либо к ненормальным, либо к преступникам.

Что заставило саксонца Иоганна Германа фон Ферзе покинуть свою страну, единоверцев, семью и укрыться в горах воинственного Кавказа под именем Ивана? Подобные типы порождают недоверие к себе, как бы ни старались угодить новым хозяевам.

На примере русской революции и переворота 1917 года мы знаем, как из-за границы, провинций, тюрем и ссылок в столицу, наряду с профессиональными революционерами, террористами и политиками всех мастей, хлынули толпы уголовников, аферистов, проходимцев и люмпенов, составивших ряды грабителей, убийц, насильников и прочей преступной черни.

Характерно, что вся эта масса выступала под вымышленными русскими фамилиями, отчествами, именами, пришвартовавшись если не к партии большевиков, то к Союзу

воинствующих безбожников. И самое страшное – это быдло, приписав себе вымышленные революционные заслуги, стало прорываться к власти с помощью такого непревзойдённого вождя, как Сталин.

Вы, мой боргустанский оппонент, со свойственной вам многоликостью, тогда, как и теперь, выбрасываете руку вперёд, голосуя «за», а другую, с пальцами, сложенными «шишом», держите в кармане. Ваша манера – тихо провоцировать – отвратительна. Вот вы пишете: «А почему бы М. Ибрагимовой не высказать также принципиально своё мнение по поводу нападения чеченцев на двух милиционеров, адыгейца, жителей города Лермонтова, угона самолёта чеченцем из аэропорта Минеральные Воды в Турцию?»

В таком случае могу предложить и вам дать типологическую характеристику русскому чудовищу XX века А. Чикатило – ростовскому учителю, человеку с высшим образованием, зверски изнасиловавшему десятки детей и подростков, пившему кровь и закусывавшему мясом своих жертв?

Или, скажем, с той же принципиальной позиции и вы могли бы осветить действия известного педагога из Невинномысска Юрия Устинова, который в течение ряда лет, руководя детскими туристическими отрядами, клубами, секциями, занимался растлением мальчиков – детдомовских сирот, калеча их судьбы. Могли бы также сказать своё слово и по поводу процветающей в стране детской проституции, и не где-нибудь, а в Москве.

К сожалению, незаконная демократия с безграничными свободами наряду со всякой преступностью породила принудительный труд девочек. Новоявленные бандерши и сутенёры, содержащие детские притоны, отлавливают на вокзалах и рынках девочек шести – двенадцати лет (товар высокого спроса) и после соответствующей подготовки предлагают пресыщенным всеми благами жизни и всеми видами разврата клиентам. Если какой-нибудь маленькой жертве удаётся вырваться из этого ада, хозяева заведения немедленно организуют поиск, возвращают в вертеп и после жестоких истязаний вталкивают во влагалище жертвы рюмку и разбивают внутри. Это ли не апогей изобретательности инквизиторов? Читайте «Детский труд в России, проституция» О. Кармазы («Комсомольская правда», 11.10.1992 г.)

Такого не было, нет и не будет на Кавказе.

И надеюсь, что новоявленные правители страны, превращённой Сталиным в безбожную, хмельную империю лжи, насилия и разбоя, не смогут довести горцев до алкогольной деградации, повышая производство и употребление спиртных напитков. Как не доведут до нравственного маразма, проповедуя свободный секс, демонстрируя обнажённые тела, чувственные лобызания и совокупления развратников. Горько видеть, как под лозунгом «Долой стыд!» всякого рода нагие проститутки, лесбиянки, гомосексуалисты, претендуя на свои «патологические» права, пренебрегая общественно полезным трудом, развращают молодёжь, заражают сифили-

сом, СПИДом, насаждают наркоманию, подрывая генетический корень ещё сохранивших нравственные устои народов Кавказа.

А вам, воинствующий аноним, в заключение хочу сказать, что многие пороки одолевают и вас. И нет надежды, что, дожив до седин, познаете себя.

Завистливый и злой неудачник, вы способны оклеветать даже друзей и с улыбочкой снова влезть в их души. Помните, как вы охаивали некоторых членов редколлегии, какой грязью поливали живых и мёртвых работников «Кавказского края». Не потому ли, предложив свой жалкий лепет еженедельнику, затаились за «неразборчивой подписью».

Но не волнуйтесь. Как врач, я умею прощать обойдённых Господом. Убожество тоже ведь от Бога. И пусть Он рассудит нас, как и тех «чучмеков», «жидовин», «армигонов», «турок», «грызунов» и прочих инородцев, которых вы считаете по уровню развития стоящими ниже себя.

Но печально, что такие, как вы, сеют межнациональную вражду.

«Кавказский край», 1992 г.

Винегрет из скороспелых мыслишек

Как известно, начало историческому роману положил Вальтер Скотт, используя сюжеты из прошлой жизни народов. Задача исторического романа имеет целью типически, а главным образом исторически достоверно изображать картины прошлого, жизни и деятельности героев со всеми их достоинствами и недостатками.

В этом отношении особенную сложность для авторов представляют документально-исторические романы, отображающие эпопеи великих противоборств народов. Писатели, взявшие на себя смелость освещать сущность захватнических и освободительных движений народов, должны быть крайне осторожны в выражении личных ассоциаций, представлений, стремлений, воображений и эмоций, основанных на личных взглядах. Они должны руководствоваться документальными данными, отображающими конкретные факты, соответствующими времени, месту и понятиям действующих лиц.

Этому неотступно следовала я в течение десятилетий, изучая и освещая в своём романе-трилогии «Имам Шамиль» полувековую историю Кавказской войны. К чести современников и участников покорения Кавказа, они оставили потомкам блестящие художественные и документальные произведения, в которых и вожди, и отдельные герои, и горцы Кав-

каза, боровшиеся за свободу и независимость, описывались с удивительной объективностью и даже с открытым сочувствием, оправданием их действий.

И казалась непонятной политика Сталина, Берии и прикнувших к ним подпевал от историков и литераторов, которые вынесли чудовищный приговор инквизиторов имаму Шамилю, назвав его «ставленником султанской Турции и английских колонизаторов». Удивляться не приходилось тем, кто знал, что к власти в России прорвался не просто тиран из числа невежественных людей, а параноик, который, подобно верховному жрецу кровавого Молоха, во тьме бессонных ночей предавал смерти миллионы ни в чём не повинных лучших мыслителей страны.

Казалось бы, теперь, когда развенчан культ личности «отца народов», когда чудовищные злодеяния сталинистов извлекаются из секретных хранилищ лубянок, когда вроде бы справедливость восторжествовала, появляются новые «судьи-одиночки», обуреваемые тщеславием самодуров. Они пробиваются на страницы газет и журналов, звучат в эфире со своими бредовыми сочинениями, касающимися вопросов истории.

Так, например, именующий себя историком Олег Ольховский из Ессентуков в своей статье «Высоки Кавказские горы, но лидеры хотят быть выше», опубликованной еженедельником «Кавказский край» (№ 13 за 1993 год), изготовил настоящий винегрет из скороспелых мыслишек и преподнёс чита-

телям в расчёте не только на их невежество, но и на разжигание межнациональной вражды. Остановлюсь на вступительной части его опуса.

Во время возвращения Ольховского из Черкесска в Пятигорск его сосед по автобусу, ехавший из Грозного, сказал: «Дудаев наведёт порядок по всему Кавказу. Он современный Шамиль». Этого было достаточно для пробуждения в Ольховском неугасимых чувств великодержавного шовиниста. Оказывается, Дудаева он знал. Его коллеги из Тамбовского лётного училища рассказали ему как Дудаев, будучи курсантом, «рвался по головам товарищей в сержанты, а в Прибалтике столь же рьяно пробивался в генералы».

Видимо, учителю истории Ольховскому чужды такие понятия, как критическое отношение к преподносимому материалу. Должно быть, и успевающие ученики, и те, кто едва тянутся на тройки, должны мыслить стандартно – так, как учит Ольховский согласно требованию устаревшей советской педагогической науки.

Кроме того, историку Ольховскому, похоже, неизвестно, что в военно-воздушных частях рискуют не только в военное время, но и в мирное. И в генералы пробиваются люди достойные, бесстрашные, самоотверженные, а не хлюпики из стройбата или пехоты, которые перед наступлением могут натереть пятку камнем до крови, чтобы отсидеться в медсанбате или в гостях у тётки. Однако Ольховский воздержался от спора с соседом, потому что знал Дудаева по базарной

болтовне, а Шамиля, согласно его утверждению, он «знал, по-видимому, ещё меньше» – только то, что ему втолковывали школьные учебники, утверждавшие, что Шамиль был «ставленником Турции и шпионом Англии».

Потребности же выяснить истину наш горе-историк не чувствовал.

И вдруг, почувствовав эту самую потребность, приступил к сбору материалов и в одночасье решил проблемы, связанные с Шамилём, прошлым и настоящим Кавказа, которые с трудом удавалось в течение десятилетий решать маститым знатокам истории.

Судя по сумбурному изложению хрестоматийных истин, выдумкам и отсебятине, невольно задаюсь вопросом: на что рассчитывал автор? Где соответствие названию статьи? В чём заключается желание лидеров быть выше Кавказских гор? И как можно, «кратко обрисовав Дагестан и Чечню до-шамилёвских времён, представить весь Северный Кавказ»? Этой последней фразой Ольховский лишний раз подтвердил свою склонность к изложению «исторической халтуры».

Если автор ставит перед собой задачу осветить какой-либо исторический вопрос, спрашивается, зачем ему бесконечными отступлениями то в древность, то в Средние века и современные события смешивать, как говорится, «божий дар с яичницей».

При чём тут анты, жившие на Кавказе в I–III веках, «которые отступили на Север под натиском готов»? И зачем це-

люю страницу посвящать жестоким нравам и беззакониям кумыкских феодалов, сдувая пыль со школьных учебников?

Разве русские феодалы, в отличие от прочих, были более гуманны, мягкосердечны и не чинили расправу подвластным? Удивительно также и стремление автора задеть какой-нибудь народ в ходе повествования. Из каких источников, например, им взят факт набегов калмыков на кумыкские земли? Автор отмечает, что в 1861 году в Дагестане было 1628 мечетей и современник Шамиля учёный Абдурахман писал, что «у муллы доходов много, а дел мало».

Здесь надо сказать, что в отличие от христианских монастырей мечетям не выделялись земельные наделы и доходы, согласно установкам законодательной части Корана, составляли пожертвования от состоятельной части населения. А что касается дел, то у мусульманских служителей культа их было не меньше, чем у христианских, если судить по строго установленному обряду совершения вместе с прихожанами пятикратной молитвы в день.

Чувство справедливого негодования могут породить у кавказцев наглые, рассчитанные на возмущение народов провокационные высказывания о государственности и культуре горцев. Ольховский, одолеваемый бредовыми выдумками, пишет: «То, что никто из народа, включая большинство священнослужителей, читать не умел, – известно всем. Ни азбуки, ни грамматики не было». Да будет известно, что государственность у народов Кавказа и Закавказья сложи-

лась задолго до возникновения Русского государства. Каждый мулла был человеком грамотным, хотя бы потому, что обязательно занимался обучением детей грамоте. А высокая нравственность и культура горцев Кавказа была известна со времён, когда предки Ольховского одевались в звериные шкуры, жили в мазанках вместе с поросятами, телятами и хлебали лаптем щи.

Достаточно сказать, что до возникновения мюридизма в Дагестане были учёные, окончившие университеты в Стамбуле, Анкаре, Тегеране, владевшие турецким, арабским и фарси. Общеизвестно, что библиотека имама Шамиля состояла из сорока огромных вьюков, которые укладывались на спины лошадей и ослов при отступлениях. И как же можно выставлять благодетелем народов гор Ермолова – самого свирепого из русских наместников, которого осуждали за зуботычины и избиение денщиков и ординарцев Пушкин, Раевский, Грибоедов, знавшие его. Чтобы не быть голословной, приведу выписки из сборника службы на Кавказе Семёна Исадзе.

В трудное для России время, когда персы, гонимые чумой, подходили к Тифлису, незаменимую услугу русскому правительству оказали те же ханы и властители (разумеется, дагестанские). «С этими-то ханами Ермолов обращался грубо и в переписке с ними не находил других выражений, кроме площадной брани, полагая, что таким способом можно держать население в постоянном страхе. Он поставил себе за прави-

ло: уничтожать в крае всякую нерусскую национальность».

«Он поколебал права собственности высшего мусульманского сословия в «Положении об агалларах», чем возбудил непримиримую вражду и недоверие влиятельного класса против правительства» (Семён Исадзе, т. 1, стр. 34–35).

В тиранических действиях Ильбис-Ярмули (дьявола), в диктате Ермолова поражённые в гражданских и религиозных нравах горцы, и в особенности духовенство, увидели посягательство на изменение коренных догматов их религии, начинали волноваться и призывать народ к газавату. Как же может объективный историк наделять свирепого покорителя горцев несвойственными деспоту качествами великого добродетеля? Откуда черпал Ольховский сведения о том, что циничный, плохо воспитанный Ермолов дал толчок развитию городской культуры?

Более того, оказывается, великодержавный шовинист, презиравший всё нерусское, предавший огню и мечу целые аулы вместе с мечетями, открыл множество больниц и лечебниц и воздвигал в Дагестане и в Чечне мечети, причём за свой счёт. Если это не выдумки соотечественников, Ольховскому следовало сослаться на источники, чтобы невежественные, неблагодарные потомки воинственных узденей умилили свой пыл, слушая воспоминания и предания праотцев.

Собственно, удивляться отсебятине некоторых современных историков не приходится. За годы советской власти на-

стоящие знатоки российской и всемирной истории были физически уничтожены. Их заменили бездарные, беспринципные, наспех обученные (главным образом по «Истории партии», лжебиографии «Великого вождя» и прочей идеологически соответствующей интересам генсека шелухе). И как бы Ольховский ни охаивал власть Советов, в его бессистемное, безалаберное сочинение ни к селу ни к городу прорываются фразы: «Знаменитые двойки и тройки 20–30-х годов советской власти изобрёл не Сталин». А кто же? Договорил бы, если знал. При всём своём апломбе дилетанта Ольховский с удивительным откровением повторно признаётся: «Пользуясь нашим слабым знанием истории, кое-кто старается представить Шамиля как человека, которому помешали горы создать чуть ли не рай на земле». Земной рай учили строить такие учителя-безбожники, как Ольховский, а Шамиль, как всякий верующий человек, мирился с земными испытаниями, боясь грешить, надеясь за святость блаженствовать в Раю небесном.

Но таким, как Ольховский, привычно брать грех на душу. Не потому ли, элементарно не разбираясь в сложной личности Шамиля, не вдаваясь в сущность политики самодержавного Генсека со сталинско-бериевских позиций, развенчанных своими же соратниками, начал клеветать снова на признанного миром вождя горцев, который в течение четверти века противостоял силам Российской империи, перед мощью которых трепетали страны Европы. Способный мыс-

лить подумает, прежде чем написать.

Без чувства глубокого возмущения нельзя также читать строки, где Ольховский утверждает: «Это именно при Шамиле некоторых девочек начали принуждать выходить замуж в 9–10 лет». Ложь! И никак не укладывается в голове, зачем учителю-историку Ольховскому копошиться в недрах Древней, Средневековой и Новой истории, не имея элементарной способности логически осмыслить материал.

Занимался бы лучше вопросами нравственности своих соотечественников, которые в цивилизованном XX веке в столице его родины Москве открыли детские притоны, куда заманивали девочек 6-12 лет и после соответствующей подготовки, побоев и угроз продавали, как «товар высоко-го спроса», отупевшим от пьянства и пресыщенным развратом новоявленным миллионерам от демократического жулья. Прочёл бы «Детский труд в России, проституция» О. Кармазы («Комсомольская правда», 11.10.1992 г.).

У каждого нормального человека складываются свои взгляды, точка зрения на жизнь, события прошлого и настоящего. Ольховский же злопыхает на большевиков, «уничтоживших всех мыслящих людей». Диву даёшься, как это он уцелел, превратившись в «винтик». Дал «по зубам» самоотверженным героям Украины, поднявшим имена прихвостней Мазепы и кровавого Бандеры, прошёлся с бичом по хребтам Грузии, Армении, Азербайджана, которые должны были вечно молиться на Россию. Ольховского в буквальном смысле сло-

ва удручает, сколько Кавказ принёс убытков России в прежние времена, когда дефицит составил 30 с лишним миллионов рублей в год. Хочется спросить, какой чёрт заставлял царское правительство с огнём и мечом карабкаться в горы Кавказа и Закавказья, если это было невыгодно?

Во-вторых, расходы шли на содержание наместничества, армии и чиновничьего аппарата империи. И, наконец, какая была польза от этих расходов народам гор, которые после покорения Кавказа влачили жалкое существование, подвергаясь двойному гнёту оккупантов и продажной местной феодалской знати.

Да, присоединение Кавказа к России – сильной экономически и культурно развитой стране – сыграло определённую положительную роль. Но нельзя недооценивать и роли народов Кавказа, оказавших неоценимые услуги России, когда над страной нависла угроза вражеских вторжений. И к чему обывательские рассуждения, касающиеся национальных чувств воина Советской армии? Почему-то Дудаев мог учиться в России, и никто не говорил, что он стал от этого меньше чеченцем.

Ничего плохого не произошло с генералами Хетагуровым, Русланом Аушевым и другими. Трагедия могла произойти с каждым из них, если бы Аллах не миловал и они сложили голову в Афганистане, защищая интересы советского правительства. Разве не для этого их обучили ратному делу, не скупясь на чины и награды? И как можно забыть неоцени-

мую услугу народов Кавказа и Закавказья в деле разгрома фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны?

Нет народности и национальности, из гущи которых не вышли десятки удостоенных звания Героев Советского Союза, маршалов, генералов, других высших чинов. А сколько безымянных героев полегло на полях сражений, освобождая народы мира от коричневой чумы. И гибли они, не продавшие совесть за сребреники Иуды, перенося жестокие пытки.

А разве так называемые «Дикие дивизии», состоящие из кавказцев, не нагоняли страх на японцев в 1905-м, на немцев в 1914 году? Зачем же унижать достоинство воинственных горцев, утверждая ложь, что «Шамиль считал, что горец способен делать добро лишь тогда, когда чувствует, что над его головой занесена шашка, уже отрубившая несколько голов». А вообще, уважающий себя писатель, а тем более историк не должен употреблять слова: «думал», «считал», «хотел», а давать оценки героям по их действиям.

Не выдерживает никакой критики и выдумка Ольховского о том, что у Шамиля была «разработана целая система воспроизводства людей в государстве». Что-то подобное пропагандировал Геббельс для воспроизводства солдат вермахта. Быть может, Геббельс смотрел на людей как на стадо, отбирая в производители тупых бугаев. Что касается Шамиля, то он, как глубоко верующий человек, во всём видел священную волю Аллаха и, не позволяя отсебятины, строго придержи-

живался каждой буквой законов шариата, утверждённого исламом.

В заключение хочу сказать, что от «винегрета», изготовленного Ольховским, веет вызывающим, провокационным духом. И тем опасны Ольховские, которые, заняв позицию сторонних наблюдателей за противоборствующими, не только потирают руки от удовольствия, но и подстрекают, поджигают, подливая масло в тлеющие очаги, унижая чувства собственного и национального достоинства инородцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.